

П. И. КЁППЕН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОЛЬВИИ (становление археолога)¹

И. В. ТУНКИНА²

Ученый-энциклопедист академик П. И. Кёппен (1793-1864) занимает особое место в истории русской науки и просвещения. Юрист по образованию, но по своим научным интересам скорее историк, археолог, археограф, этнограф, филолог, географ, статистик, библиограф, П. И. Кёппен оставил заметный след в истории отечественной археологии того начального периода, когда еще только закладывались основы этой области научного знания, когда определялись цели, задачи и методы полевой и кабинетной работы. Становление П. И. Кёппена как археолога относится к начальному этапу его научной биографии и связано с изучением им античных памятников Северного Причерноморья, главным образом Ольвии, а также Крыма и Таманского полуострова.

Петр Иванович Кёппен родился в Харькове 19 февраля 1793 г. (ст. ст.) в семье немецкого врача. Его отец Иван Иванович Кёппен (Johann Friedrich Körpen, 1752-1808), уроженец г. Шведта (Бранденбург), был лейб-хирургом при дворе Гессен-Кассельской ландграфини Филиппины, супруги Фридриха II. В 1786 г. он входил в группу врачей, вызванных императрицей Екатериной II на службу в Россию, и был назначен заведующим медицинской частью в Харьковской губернии. В 1790 г. доктор медицины и хирургии И. Ф. Кёппен женился на Каролине Ивановне Шульц (Caroline Friederike Schulz, 1772-1851), дочери директора учебного заведения для дворян в Харькове И. П. Шульца. От этого брака родилось 11 детей — 5 сыновей и 6 дочерей, двое из которых умерли в младенчестве (Кёппен 1911).

Получив хорошее домашнее образование и продолжив его в Харьковской гимназии (1805-1808), П. И. Кёппен из-за стесненного материального положения семьи вынужден был поступить на службу и стал подканцеляристом

в чертежной при Слободско-Украинском губернском правлении, где занимался под руководством землемеров межеванием и снятием планов (1806-1809). Приобретенные здесь технические навыки и сведения впоследствии сослужили ему хорошую службу при топографических и картографических работах. Одновременно с 1808 г. П. И. Кёппен посещал подготовительные классы для студентов Харьковского университета, куда он в следующем году был принят студентом, а в 1810 г. оставил службу в чертежной и полностью посвятил себя учебе. В 1812 г. юноша закончил университет со степенью кандидата, и уже через полтора года в 1814 г. получил степень магистра правоведения.

Еще в студенческие годы, в летнее каникулярное время, П. И. Кёппен начал объезды различных мест южной России, причем страсть к путешествиям и новым впечатлениям сохранил до конца жизни. Так, в 1810 г. он посетил Одессу, Екатеринослав, Елизаветград, Николаев, Кременчуг, Полтаву, в 1811 г. — Изюм, Купянск, Чугуев, в 1812 г. — Умань и Полтаву, в 1813 г. — селения Валки и Ахтырку.

Летом 1814 г. Петр Иванович переехал в Петербург и поселился у мужа своей тети Н. М. Яновского, начальника отделения в почтовом департаменте. По протекции родственника молодой человек получил место канцеляриста в том же ведомстве (1814-1821). Благодаря близости с бывшим профессором политической экономии Харьковского университета Л. Г. Якобом (Ludwig Heinrich von Jakob, 1759-1826) и известным ученым, членом-корреспондентом Имп. АН Ф. П. Аделунгом (Friedrich Adelung, 1768-1843), на единственной дочери которого Александре Федоровне он женился в 1830 г., П. И. Кёппен поразительно быстро установил тесный контакт с научно-литературной элитой Петербурга (Тункина 1987)

¹Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 96-01-00236) и РФФИ (проект № 97-06-80371).

²Россия. 199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

и в 1816 г. вошел в число действительных членов Вольного общества любителей российской словесности, а в 1817 г. был избран членом-секретарем Имп. Человеколюбивого общества. Вероятно, в это же время он познакомился с академиком-антиковедом Е. Е. Кёлером (Heinrich Karl Ernst Köhler, 1765-1838), совершившим в 1804 и 1821 гг. две специальные археологические поездки по Северному Причерноморью.

В 1815 и 1817 г. П. И. Кёппену удалось побывать в родном Харькове, причем в 1817 г. он посетил также Киев, Одессу, Овидиополь, впервые заехал на городище Ольвии под Николаевым, и именно тогда задумал снять его инструментальный план. Локализация древнегреческой Ольвии на городище близ села Ильинского (Парутина) стала общеизвестной лишь с конца XVIII — начала XIX вв. (Тункина 1994).

Круг лиц, занимавшихся исследованием отечественных древностей, был в то время весьма ограничен. Опубликовав в 1818 г. компилятивное сочинение по материалам книги «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg» (СПб., 1816) (Кёппен 1818), Петр Иванович обратил на себя внимание известного мецената, государственного канцлера графа Н. П. Румянцева (1754-1825), который выразил желание познакомиться с автором и привлек молодого человека к делам своего известного кружка (Козлов 1985). Именно Румянцев познакомил Кёппена с министром внутренних дел О. П. Козодавлевым, в подчинении которого находилось почтовое ведомство, благодаря чему молодой человек получил место чиновника особых поручений при министре и в 1819 г. был назначен вторым редактором (по другим данным — переводчиком) министерской газеты «Северная почта».

В 1819 г. О. П. Козодавлев поручил П. И. Кёппену провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа, и обратно. Кёппен воспользовался поездкой для собирания сведений о древностях южных губерний для Н. П. Румянцева, в том числе об археологических памятниках побережья Черного моря. По итогам поездки 7 января 1820 г. он составил для графа «Краткую заметку о поездке к Кавказу и в Крым» (см. приложение 2). Проезжая через Псков в мае 1819 г., Кёппен познакомился с известным в свое время историком и археографом архиепископом Евгением (Болховитиновым), впоследствии митрополитом Киевским (ПФА РАН 3: 11 об.—12). Путь Кёппена лежал через имение графа И. А. Кушелева-Безбородко Стольное в Черниговской губ., где он занялся копированием вывезенных сюда по приказу владельца Ильинского ольвийских надписей и других эпиграфических памятников Причерноморья.

Проехав через Харьков, Ростов на Дону и Таманский полуостров, Кёппен впервые оказался в Крыму, поразившем его своими красотами и разнообразием памятников многих исторических эпох. Таврида настолько пленила Петра Ивановича, что впоследствии он решил связать с ней вторую половину жизни: здесь в 1864 г., в своем имении Карабах, ученый скончался.

В Керчи в 1819 г. П. И. Кёппен встретился с основоположником боспорской полевой археологии Полем Дюбрюксом и ознакомился с методикой раскопок античных памятников, в Феодосии познакомился с основателем местного городского музея древностей, бывшим градоначальником С. М. Броневским и составил подробную опись местного собрания. Затем, через Херсон и Николаев он доехал до села Ильинского на правом берегу Бугского лимана. У урочища Сто могил Петр Иванович вновь осмотрел следы древней Ольвии и 26 октября 1819 г. с помощью астролябии снял план ее укреплений. При съемке инструментального плана цитадели Ольвии Кёппену пригодились практические навыки и знания, приобретенные в Харьковской губернской чертежной.

После посещения Крыма Кёппен отправился в Одессу, где познакомился с известным одесским антикварием, впоследствии членом-корреспондентом Берлинской АН (1830) И. П. Бларамбергом (Jean de Blaramberg, 1772-1832), осмотрел его знаменитый кабинет древностей и скопировал ряд ольвийских надписей. И. П. Бларамберг обратил внимание на ольвийские памятники еще в начале 1810-х гг. За многие годы он собрал значительную коллекцию древностей, куда вошли лапидарные памятники, круглая и рельефная скульптура, керамика, мелкая пластика, амфорные ручки с клеймами, изделия из металла, украшения, богатейшее собрание ольвийских монет (не менее 600 экз.) и монет других городов, найденных в Ольвии, которое собиратель называл «нумизматическим периплом Понта Эвксинского» (Тункина 1995: 66-67). Одним из источников поступления новых памятников в коллекцию Бларамберга стали его раскопки на городище и некрополе. Точных сведений о них мы не имеем. А. А. Скальковский, говоря о посещении великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I) Новороссийского края в 1816 г., писал, что последний приехал на развалины Ольвии и «присутствовал при разрытии многих курганов», а найденную серебряную «медаль» подарил Бларамбергу «в знак уважения к его археологическим трудам в этой местности» (Скальковский 1838: 254). Поэт К. Н. Батюшков в письме от 19 октября 1818 г. уговаривал Н. П. Румянцева приобрести коллекцию Бларамберга: «Я с моей

стороны священным долгом почел уведомить вас о сем собрании, которое, легко может стать, перейдет в руки поляков или англичан, ибо г. Бларамберг, по напечатании каталогов, намеревается продать свой кабинет. В бытность мою в Одессе его уже торговали» (Батюшков 1989: 518). К счастью большая часть этого археологического собрания впоследствии поступила в основанный в 1825 г. Одесский городской музей древностей.

На обратном пути из Одессы, остановившись в родном Харькове, П. И. Кёппен занялся сбором сведений о древней Ольвии и написал большую статью о ней «Ольвия. Древний город на реке Буге» (Тункина 1991: 98-99). Приложив к исследованию план городища и его окрестностей, автор отправил работу на отзывы архиепископу Евгению Болховитинову, который сообщил Петру Ивановичу свои замечания (Мурзакевич 1872: 404-411; ИР ЦНБ 1: 1-7), а также неременному секретарю Имп. АН П. Н. Фусу и своему будущему тестю акад. Ф. П. Аделунгу (ИР ЦНБ 1: 10-11).

В литературе прочно утвердилось ошибочное мнение, что работа П. И. Кёппена об Ольвии или не была написана вообще (Латышев 1887: VII; Славин 1960: 48), или просто до нас не дошла (Карасев 1956: 12). Однако это не так. Несколько списков не вполне завершеного исследования П. И. Кёппена «Ольвия. Древний город на реке Буге», написанного автором в 1819-1820 гг., обнаружены в архивах Санкт-Петербурга и Киева (Тункина 1991: 98-99). Свое исследование об Ольвии П. И. Кёппен планировал напечатать за счет графа Н. П. Румянцева, который не без влияния одесских антиквариев И. П. Бларамберга и И. А. Стемповского заинтересовался причерноморскими древностями и стал их коллекционировать. Очерк должен был дополняться большим количеством иллюстраций — карт, рисунков надписей и барельефов, без чего он, по словам Кёппена, не мог быть удовлетворительным. Однако по определенным причинам работа осталась неизданной.

Тех, кто знаком с материалами личного архива Кёппена, не может не поразить удивительная разносторонность его трудов, феноменальное трудолюбие, тщательность и скрупулезность в научной работе (Маркевич 1893; 1914). Свои бумаги Кёппен завещал Академии наук, благодаря чему в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось пять черновых редакций очерка об Ольвии (ПФА РАН 1), включающий план его содержания и перечень 16-ти приложений (ПФА РАН 1: 7-7 об.). Рукописный «Ольвийский сборник» П. И. Кёппена, по желанию ученого, был передан в архив Одесского общества истории и древностей, с момента

основания в 1839 г. обратившего внимание на древности Ольвии. Значительная часть архива этого общества, вывезенная во время Второй мировой войны из Одессы в Румынию, впоследствии оказалась в Киеве, в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Там и хранится ныне еще одна рукопись исследования, составляющая центральную часть «Ольвийского сборника» (ИР ЦНБ 1: 21-109).

Обширная статья (по современным меркам скорее монография) П. И. Кёппена об Ольвии состоит из 14 глав. На одной из редакций работы сохранилось любопытное примечание автора: «По новости предмета нельзя было не войти в подробности, которые в противном случае могли бы оставаться неприкосновенными... Каждая из первых 13 глав имеет быть почитаема особым исследованием, а последняя 14-я содержать будет краткую историю Ольвии, основанную на предшествовавших разысканиях» (ИР ЦНБ 1: 22). Кратко остановимся на характеристике каждой из 14 глав. Первая глава — «О греках, обитавших на берегах Черного моря» — является своего рода введением к исследованию об Ольвии. Анализируя античную письменную традицию о Причерноморье, Кёппен приходит к выводу о торговом характере греческой колонизации берегов Понта Эвксинского и ведущей роли Милета в этом процессе. Вторая глава — «О времени основания Ольвии» (в более ранней редакции — «Происхождение Ольвии» с добавлением «Кем могла быть основана Ольвия»), третья — «О местоположении Ольвии» (в другой редакции: гл. 4 — «Местоположение Ольвии») и четвертая «О разных названиях Ольвии» (в другой редакции: гл. 3 — «Название оной») посвящены вопросу о названии города и привязке памятника к современной карте (см. приложение 3). Время основания Ольвии, согласно Скимну и периплу Анонима, Кёппен относит примерно к 655 г. до н. э. Ученый придерживался точки зрения, высказанной французским антикварием, действительным членом Парижской Академии надписей Д. Рауль-Рошеттом (Désiré Raoul-Rochette, 1789-1854) в его «Критической истории основания греческих колоний» (1815) о двух разных городах — Борисфене и Ольвии. Упомянутые в письменной традиции разные названия полиса П. И. Кёппен принял за разные города. Согласно его ошибочному предположению, Ольвия существовала гораздо раньше своей метрополии Милета и была основана гелонами, которые якобы являлись потомками древнейших греков, обитавших на берегах Черного моря, от Кавказа переселившихся на запад и потом уже распространившихся

по территории Греции. Эти фантастические исторические построения не выдерживают критики: их ошибочность была отмечена уже современниками Кёппена.

Касаясь вопроса о локализации древнегреческого города Ольвии, Кёппен рассматривает гипотезы ученых XVIII — начала XIX вв. На одной из карт акад. Г. З. Байера Ольвия была показана около Берислава на правом берегу Днепра, на месте Очакова или в очаковских степях её помещали Рамбах и Фишер, Герен локализовал ее на месте Херсона и т. п. «Ученые только в наше время удостоверились, — писал Кёппен, — что Ольвия находилась на правом берегу Буга... близ с. Парутино, теперь по прежнему владельцу графу Илье Андреевичу Безбородко называемое Ильинским» (ПФА РАН 1: 40 об.-41). Пятая глава — «Пространство города» — посвящена подробному описанию городища: остатков укреплений, ворот, рвов, пристани, дорог, водостоков. Именно этот фрагмент был издан Н. Н. Мурзакевичем в примечаниях к статье «Митрополит Евгений и академик Кёппен» (Мурзакевич 1872: 405-407). В заключении главы Петр Иванович уточняет: «Но таковые топографические разыскания требуют, чтобы пожить в Ольвии большее время, я же имел случай посещать оную оба раза только на несколько дней» (ПФА РАН 1: 49 об.).

Шестая глава, носившая название «Могила» или «Могила в Ольвии (Урочище Сто могил)», не была завершена автором и оставлена в виде фрагмента «до времени» для доработки. Ее различные редакции существенно отличаются друг от друга. В одной Кёппен рассуждает о различных названиях (и их этимологии) погребальных сооружений, встречающихся в Европейской России, на Урале и в Сибири — курганах, могилах, жальниках и пр., т. е. по теме, которой впоследствии он посвятил ряд своих работ (Кёппен 1837: 27; 1908: 1-41; 1908а: 42-55). Лишь в одной из редакций упоминаются особо примечательные погребальные памятники Ольвии (см. приложение № 3), а именно нераскопанные курганы с крепидами и каменными склепами — курган над склепом Евресивия и Ареты и большой курган в северо-восточной части верхнего плато, которые отмечены Кёппеном на опубликованном плане.

Глава седьмая «Ближайшие окрестности города» посвящена описанию городищ и курганов, осмотренных Кёппеном при поездках по обеим берегам Бугского и Буго-Днепровского лиманов. Описание одной из поездок он собирался приложить к статье об Ольвии. Автор не сомневался, что жители полиса «поблизости одного могли иметь загородные свои дома. Может быть были тут и небольшие деревушки». В путевых записках и дневниках ученого

зафиксирована важная археологическая информация о поселениях ольвийской сельскохозяйственной периферии: планы, описания, сведения о случайных находках и размерах городищ и селищ (Станислав, Александровка, Скельки, Семенов Рог, Кисляковка, Чертоватое, Сарыкамышы, Корениха и др. — см. приложения 1-3), которые оставались доселе неизвестными специалистам (Фабрициус 1951; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990). Восьмая глава «Дальние окрестности Ольвии. Скифия и соседственные страны» касается локализации упоминаемых в источниках скифских племен и интересна попыткой привязать античные гидронимы к современной автору карте.

Девятая глава (в киевской редакции фрагмент одиннадцатой главы) «О великолепных зданиях Ольвии» (другое название — «Славные здания Ольвии») посвящена анализу письменной традиции и эпиграфических памятников, упоминавших о зданиях, существовавших в древнегреческом городе. Среди них Кёппен перечисляет дворец Скила (Herod., IV, 78-80), храмы Зевса, Аполлона, Асклепия, гимнасий, две башни цитадели на территории города и храм Деметры на Гипполаевом мысу.

В десятой главе «Искусства и художества, процветавшие в Ольвии» и в одиннадцатой «О надписях, на камнях иссеченных» автор рассматривает 28 барельефов, статуй, надгробий, ряд лапидарных памятников из различных собраний, приводя при этом подробные сведения о местах их находок. Позднее эти материалы Кёппен использовал при публикации немецкой брошюры «Древности северного берега Понта» (1823а), где 10 ольвийских надписей были изданы им впервые. Здесь Кёппен поднимает вопрос о цели клеймения керамической тары и, видимо, одним из первых правильно атрибутирует керамические клейма с эмблемой в виде цветка граната как принадлежащие продукции Родоса (Кац, Тункина 1990: 111-122).

Двенадцатая глава «О торговле, проводимой Ольвией» посвящена анализу всех доступных видов источников, на основании которого Кёппен приходит к выводу о широких торговых связях города с Милетом, Истрией, Томми, Кизиком, Амастрием, Каллатисом, Тирой, Синопой, Гераклеей Понтийской и др., доказывая, что Ольвия являлась крупнейшим торгово-посредническим центром между античным миром и варварскими племенами Причерноморья. «Без сомнения Ольвия... отправляла здешний хлеб в Грецию, как и в наше время из Одессы вывозится арнаутка, которую в Херсонской и других близлежащих губерниях сеют не столько для собственного употребления, как для отпуску за границу». Река Буг «много способствовала к облегчению

торговли» с каллипидами и другими скифскими племенами, а ольвиополиты, по его мнению, «езжали» да за Уральские горы для покупки золота и других товаров. Приложенная к статье карта, полученная Кёппеном от начальника Черноморского депо карт в Николаеве И. М. Будищева (см. приложение 2), по его мнению доказывала, что к Ольвии «подходить могли и большие корабли, ибо глубина Буга на самой середине между Николаевым и самым устьем от 20 до 30 английских футов» (ПФА РАН 1: 22-25).

Следующая, тринадцатая глава «О монетах города Ольвии» касается вопросов монетной чеканки полиса. Во времена Кёппена золотых ольвийских монет, известных науке, насчитывалось лишь несколько штук, серебряные также считались очень редкими. Время начала монетной чеканки, согласно Кёппену, «едва ли с точностью определить можно». Большинство сведений, приведенных в этой главе, заимствованы автором из материалов, предоставленных ему И. П. Бларамбергом и самостоятельного значения не имеют. Кёппеном повторена классификация монет одесского антиквара по типам изображений, причем вслед за ним и академиком Кёлером монеты с Борисфеном он ошибочно определял как изображения Пана. Время окончания чеканки, как и саму гибель города, автор датировал предположительно первой третью III в. н. э. Тому же вопросу посвящена последняя, четырнадцатая глава «О времени разрушения Ольвии». «Думать должно, — писал Кёппен, — что Ольвия разорена не гуннами в IV в. н. э., но уже готами именно тогда, когда Филипп, римский император, около 244 г. по Р. Хр. не стал уже платить им дань... То, что может еще уцелело при нападении гетов, вероятно погребено гуннами, около 376 г. вытеснившими их из мест сих...» (ПФА РАН 1: 28 об.).

Текст статьи должен был иллюстрироваться двумя планами, помещенными в приложениях: «План крепости Ольвии» и «План всего города и ближайших окрестностей одного» (ПФА РАН 1: 7 об.). Первый, представляющий цитадель

позднейшей Ольвии, был снят самим П. И. Кёппеном при помощи астролябии. Этот план был опубликован в виде отдельной вставки в левом нижнем углу общего плана городища и урочища Сто могил (1821). Недавно обнаружены снятый П. И. Кёппеном 26 октября 1819 г. подлинный черновой план ольвийской цитадели, хранящийся в Отделе картографии ЦНБ НАН Украины (Папанова 1996: 171-173), и его позднейшая копия из архива Национального заповедника «Херсонес Таврический». Приписываемые Петру Ивановичу недостатки в реконструкции оборонительных сооружений поздней Ольвии опровергаются данными современных раскопок (Золотарев, Буйских 1994: 49; 1997: 241-244).

В основу второго плана был положен план Ольвии, полученный Кёппеном в Одессе от И. П. Бларамберга. В поисках его источников в середине 1980-х гг. я обратилась к богатейшим фондам Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив) в Москве. Архивные разыскания оказались успешными — мною были обнаружены три ранее неизвестных и никогда не издававшихся плана Ольвии и ее окрестностей (Тункина 1989: 54). Все они имеют одинаковое название «План развалинам бывшему городу Ольвию», один масштаб (1 англ. дюйм = 50 сажень; 1: 4200), рельеф передан в аналогичной технике отмычки акварелью, надписи, экспликация и буквенные обозначения — черной тушью. Два плана имеют пояснение «Снимал с натуры инженер-поручик Бориславский¹», третий — подпись «инженер-капитан фон Муцель²» (РГВИА 1: 1). На двух из них — Муцеля и Бориславского (РГВИА 2: 1) — представлена одинаковая экспликация, расположенная с левой стороны листа: отмечены «городище Ольвию» (А), «разрытые фундаменты, в коих найдено множество с надписями камней» (В), «завалившие подземные ходы» (С), два больших кургана с крепидами — «два большие кургана, кругом каждого обложено при основании большими камнями» (D), «на высоте

¹ Бориславский (или Бериславский) Иван Степанович (1787-1866), военный инженер. Сын титулярного советника, в 1803 г. поступил на службу в инженерные войска кондуктором 2-го класса. С 1804 г. подпоручик в Херсоне, в том же году командирован из Херсона в Очаковскую инженерную команду, с 10 мая 1808 г. в Таганроге при гидравлических и других строениях, с 27 ноября 1809 г. — поручик, переведен в Очаковскую инженерную команду, находился «при черчении планов», в 1814 г. работал на Березани, в марте 1819 г. инженер-капитан, адъютант генерал-майора Федорова 1-го, окружного командира Херсонского инженерного округа. В 1846-1847 гг. в чине инженер-полковника служил помощником управляющего Херсонского окружного инженерного управления. Скончался в чине инженер-генерал-майора 10 июня 1866 г., на 80-м году жизни, похоронен в Нежине при церкви Иоанна Милостивого. (Савельев 1887-1897: Ч. 1: 162; Ч. 2: 324; Ч. 3: 244; Общий состав 1846: 80; Русский провинциальный некрополь 1996: 39).

² Франц Самойлович фон Муцель упоминается в «выписке об инженерных командах, находящихся в приморских крепостях» (декабрь 1807 г.) еще как поручик, командир в Николаевском укреплении при Очакове. Уже в чине «инженера-капитана армии майорских чинов» Ф. С. фон Муцель числится в списке чиновников инженерного корпуса 17 января 1811 г. Судя по списку офицеров инженерного корпуса, составленному не ранее 1 декабря 1811 г., Франц Самойлович фон Муцель, получивший 20 сентября того же года чин подполковника, продолжал служить в Очакове. В более поздних списках эта фамилия отсутствует, что свидетельствует либо о его отставке, либо о смерти. См.: Фабрициус 1902. Приложение 9: 31; К приложению 62: 181; Савельев 1894 3: 235.

колодец» (Е), некрополь — «Прочие курганы под названием Сто могил» (F), «Родники» (G). Оба плана имеют одинаковые подписи, различающиеся лишь в деталях «Кладбище из села Ильинска», «Мельницы», «Рыбная ловля», «Виноградный сад», «Колодец» (на плане Бориславского отсутствует), «Огородный плантаж» (на плане Муцеля отсутствует). Экспликация второго плана Бориславского (РГВИА 3: 1; Ратнер 1990: 76-78) расположена с правой стороны листа и имеет более обширную расшифровку буквенных обозначений. Здесь добавлены «Рыбная ловля» (Н), «Огородные плантажи» (I), «Колодезь» (К), «Мельницы» (L), «Кладбище из селения Парутиной» (М). Публикация и обстоятельный сравнительный анализ этих планов составит предмет самостоятельного исследования. Отметим лишь следующее.

В описях РГВИА, включающих коллекцию Военно-учетного архива Главного штаба, эти рукописные планы в красках ошибочно датированы второй половиной XVIII в. На планах фон Муцеля и Бориславского отмечены места находок надписей, «разрытые» фундаменты построек и т. п., свидетельствующие о их составлении позднее рубежа веков. Изучение послужных списков авторов съемки также доказывает неточность архивной датировки. Планы Бориславского были составлены между 1809 и 1816 гг., план фон Муцеля еще ранее, между 1808 и сентябрем 1811 гг. Проанализировав все известные ему планы Ольвии первой четверти XIX в., А. Н. Карасев пришел к выводу, что при изготовлении каждого из них авторы пользовались одним и тем же первоисточником, который, по его мнению, был выполнен в начале XIX в. топографами военно-морского ведомства (Карасев 1956: 30). Согласно П. И. Кёппену, получившему план Ольвии от Бларамберга в Одессе, он был снят «каким-то инженером» для государя и на нем показан «город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жилье». Как известно, император Александр I впервые посетил Одессу, Николаев и Херсон лишь в апреле-мае 1818 г. (Шильдер 1898: 98-99), следовательно планы фон Муцеля и Бориславского не могли быть выполнены к приезду царя. Один из снятых военными инженерами планов стал основой для гравированного на меди плана Ольвии, опубликованного П. И. Кёппеном в 1821 г. на средства графа Кушелева-Безбородко. Кёппеновский план стал первым в мировой науке опубликованным планом городища и его окрестностей, который «поражает точностью в передаче основных, решающих элементов рельефа» (Карасев 1956: 10). Его главное достоинство заключается в указании на нем археологических объектов. Высокая квалификация помогла автору отделить главное

от второстепенного, осмыслить и запечатлеть видимые на поверхности следы древних сооружений. Как показывают современные исследования, планы Кёппена не потеряли своей информативности и ценности до сих пор. Очевидно, что топооснова хранящихся в РГВИА планов стала источником и для других известных опубликованных планов Ольвии — И. М. Муравьева-Апостола и И. П. Бларамберга, дополненных каждым из издателей.

Из Харькова в декабре 1819 г. Кёппен вернулся в Петербург. На его служебном статусе отрицательно сказалась потеря покровительства скончавшегося в июне того же года министра внутренних дел О. П. Козодавлева. Ученый вплотную занялся систематизацией собранных научных материалов. Вскоре Петр Иванович по настоянию графа Н. П. Румянцева совершил путешествие за счет мецената по северо-западным и западным губерниям России, а затем и за границу с научными целями на средства своего спутника А. С. Березина (октябрь 1821 — апрель 1824 гг.). Заехав по пути в декабре 1821 г. в имение г. Безбородко Стольное, Кёппен вновь сверил ряд ольвийских надписей и скопировал знаменитый декрет в честь Протогена (приложение 4).

За границей (Польша, Германия, Австрия, Венгрия, Чехия) Кёппен как представитель Румянцева собирал всевозможные памятники старины, главным образом касающиеся истории славянства (Потепалов 1963: 5-22). При этом он не забывал и об античных древностях, налаживал контакты с известными археологами, историками, антиковедами, хранителями музеев.

В 1822 г. вышли в свет сразу несколько работ об античных памятниках Северного Причерноморья — в Париже монография Дезире Рауль-Рошетта «Греческие древности Боспора Киммерийского» (Raoul-Rochette 1822), где широко использованы археологические материалы и издана статья известного одесского антиквара и коллекционера полковника И. А. Стемповского (Stempkowski 1822: 218-235), брошюра И. П. Бларамберга «Описание древних медалей Ольвии» (Blaramberg 1822), а в Петербурге — первая публикация важнейшего документа лапидарного архива Ольвии — декрета в честь Протогена, подготовленная академиком Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Е. Е. Кёлером (Köhler 1822: 8 f.).

Часть материалов, собранных для статьи об Ольвии, предназначавшейся для русского читателя, Кёппен включил в свою рецензию — на монографию Д. Рауль-Рошетта под названием «Древности северного берега Понта», вышедшую на немецком языке в Вене в 1823 г. с посвящением графу Н. П. Румянцеву (Körpen

1823а; рус. перевод: Кёппен 1828). В книгу Кёппена вошли также 10 неизвестных ни Кёлеру, ни Рауль-Рошетту, ни немецкому эпиграфисту А. Бёку, которому посылали свои материалы И. П. Бларамберг и И. А. Стемповский. Здесь же издан декрет в честь Протогена по собственной копии Кёппена (Кёппен 1823а: 85 сл.), текст которого был отпечатан также отдельно с немецким переводом австрийского ученого доктора Эйхенфельда (Кёппен 1823б). Появление серии публикаций о причерноморских древностях вызвало жесткую, язвительную и не всегда объективную критику со стороны академика Е. Е. Кёлера (Köhler 1823; 1850: 232-234). Кёппен искусно отпарировал большинство замечаний в особой статье, в которой указал своему строгому критику, что он сам далеко не столь непогрешим, как ему представляется (Кёппен 1823в; 1850: 225-246).

Е. Болховитинов так отреагировал на эту полемику в письмах к П. И. Кёппену от 19 декабря 1823 и 22 июня 1824 гг.: «Но вот что у нас замечательно: иностранцы вас хвалят в журналах, а наш академик Кёлер при своей книжке на Raoul-Rochette... на конце приписал три странички и на ваш счет, и сим не удовольствовавшись, издал еще особую сего же года там же на Вас книжку *Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Ученые завистливы сверстникам в своем мастерстве»; прочитав ответ Кёппена, отметил: «Завистливому и гордому нумизматику Вы хорошо отвечали» (ПФА РАН 11: 7-7 об., 9). «Известно, что мастера не любят славы подмастерьев и учеников», — писал Евгений Н. П. Румянцеву 25 ноября 1823 г. (Переписка 1885: 83).

Граф Н. П. Румянцев поблагодарил П. И. Кёппена за посвящение ему «Древностей северного берега Понта» и выразил желание, чтобы автор переключился с греческих древностей на славянские: «... Искренне напрашиваюсь, милостивый государь мой, на посвящение мне какого-либо труда Вашего до российских или вообще до славянских древностей относящихся. Не отстраняйте от себя сие приятное занятие предметами ему чуждыми. С тщанием обзоревайте библиотеки и все памятники российской словесности, рассеянные во владениях австрийских и донныне неизвестных» (письмо от 26 марта 1823 г.) (ПФА РАН 12: 6). Ревнивая критика со стороны Кёлера и призыв Н. П. Румянцева изменить сферу научных интересов существенно повлияли на тематику дальнейших исследований Кёппена. Во время пребывания в Вене П. И. Кёппен получил письмо из Дрездена от немецкого ученого Беттигера с высокой оценкой его статей и предложением

заняться историей Митридата VI Евпатора. 26 мая 1823 г. Петр Иванович записал в дневнике: «Преклоняю чело и выю неповинну. Да не узнает сего знаменитый монософ Кёлер, а то и Беттигеру, и мне молния и гром! Нет, пора приняться за другое» (ПФА РАН 8: 52 об.). В итоге, к сожалению, Кёппен перестал публиковать работы по классической археологии и эпиграфике Причерноморья, переключившись на занятия библиографией, палеографией, статистикой, этнографией, шелководством и т. п., хотя, как свидетельствуют материалы его архива, продолжал собирать сведения о древностях до конца своих дней.

Огромный интерес для исследователей представляет так называемый «Ольвийский сборник» Кёппена. Здесь сохранились перечни ольвийских древностей, представленные графом А. Г. Кушелевым-Безбородко императрице Марии Федоровне, которые хранились в библиотеке Павловского дворца, каталог монет из коллекции И. А. Стемповского, изученных П. И. Кёппеном в Вене, копии надписей, рисунки барельефов и других памятников (ИР ЦНБ 1: 179, 183-187 об., 203-206 об., 222-242, 245-257, 261). Ольвийские монеты и надписи ученый осматривал в ряде частных и государственных собраний — в имении Безбородко в Стольном, в музее Бларамберга в Одессе, у полковника А. Н. Равевского в Киеве, Харьковском университете, собраниях Петербурга и провинции, минц-кабинетах многих западноевропейских стран (ИР ЦНБ 1: 189-190 об.; ПФА РАН 5: 68; 6: 31 об.-32, 52-55; 7: 131 об.-134; 8: 4 об.-6, 40 об.; 9: 22-23 об., 34, 38 об., 44 об., 49 об., 60 сл.; 10: 50 об.-51, 53, 54, 57, 60 об.).

Неизданные материалы П. И. Кёппена об Ольвии являются ценнейшими источниками сведений о городище и ее окрестностях, местах находок надписей и других памятников, позволяют уточнить паспортизацию некоторых из них. Очерк ученого «Ольвия. Древний город на реке Буге» явился первой в мировой науке попыткой «систематического изложения» результатов анализа всей совокупности источников (нарративных, эпиграфических, нумизматических, археологических) с целью реконструкции истории древнего города, который, к сожалению, так и не увидел света. Хотя некоторые исторические построения автора по прошествии 180 лет выглядят наивными, устаревшими и мало аргументированными, собранные Кёппеном материалы с фактологической точки зрения ценны до сих пор, особенно в разделе описаний и топографической фиксации видимых следов строительной деятельности древних.

Приложения

№ 1

Из путевых записок П. И. Кёппена 1819 г. «От Херсона до Парутино»

22 октября 1819 г. Своротив влево с дороги, ведущей в Николаев, я отправился к Глубокой пристани. Цель моя состояла в том, чтобы видеть место сие и потом проехать до Бугского лимана и вверх по оному до Николаева, дабы поискать следов Церерина храма, о коем говорит Геродот (кн. IV, гл. ...). [...]

23 октября 1819 г. Отъехав верст 7 от Глубокой пристани, я прибыл в Станиславовку, где с вопросами обратился к отцу Фоке. Сей повел меня в Никольскую церковь, показал камень, отцом его, священником здешним Федором Матковским, из Парутина (Ольвии) сюда перевезенный и им уже в стену вделанный на правом крыле, что у самого алтаря (см. изображение). Камень сей белого мрамора, вышиною в 5,5 английских фута, а шириною в 2 фута. Священник желал сперва написать икону на сём камне, однако по совету любителей древности он отстал от сей мысли. [...]

Отсюда поехал я в Александровку, где застал и станиславского выборного. Здесь наконец узнал я о прежних городищах следующее.

На Станиславской Даче, около версты от Глубокой пристани на крутом берегу лимана, на т. н. Городищем мысу, между двумя балками, известными под именем Широких, находится древнее городище, имеющее в середине своей также небольшую балочку [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 39-40, № 105; 69-70, № 142; 91-92, № 59; Виноградов 1993; Виноградов, Соловьев 1996 — *И. Т.*]. Там находят обломки глиняных сосудов и разный камень, однако же не тесаный. На вопрос мой, не жили ли и здесь запорожцы, жители уверяли, что это не могло быть жильем запорожцев, ибо после землянок их остались бы одни только ямы, у коих приметны были бы выходы. Куски глиняных сосудов, здесь находимых, толщиной равняются, полагают, турецких кувшинов.

По отдаленности от Александровки, принадлежащей Его Превосходительству Григорию Петровичу Милорадовичу, я не мог уже видеть сего городища, между тем же отправился назад к другому ближайшему.

Уверяют, что и на Станиславской косе была пред сим батарея, где вода также иногда вымывает разную монету, по-видимому, серебряную.

Вместе с выборным отправился я к городищу, лежащему от Станислава в 1,4 версте [см. рис. 1. — *И. Т.*]. Не доезжая еще около 0,4 версты до городища, по левую руку от дороги

из Станислава в Александровку, я остановился у т. н. Разрытого кургана. Это небольшое место, окруженное сперва рвом, а потом уже валом, который издали один только приметен. Внешний вал сей в окружности имеет 212 шагов. Окружность же углубления или рва = 90 шагов. Возвышение внутреннее, почти равняющееся поверхности поля, имеет кругом около 30 шагов; но мне показалось, что это был пятиугольник, коего каждая сторона = 6 шагам (т. е. около 13 фут.), самая же середина углублена [см. рис. 2. — *И. Т.*]. Стоял ли здесь храм какой-либо, или что иное — неизвестно, однако входа никакого не приметно и не видно, чтобы что-либо было выложено камнем. Да и на всем этом месте нашел я только два небольших камушка. От внешнего вала на восток в 65 шагах находится еще неразрытая могила [см. рис. 3. — *И. Т.*], на коей однако также приметны следы прежнего жилья. Окружность оной у подошвы = 210 шагов и высота около 35 шагов (?) (в диаметре по горизонту должно бы быть уже около 67 шагов). Углубление, однако на самом вершине находящегося, всего длиною (в диаметре) 4 шага.

Поодаль еще и 3 могилы, в коих, по словам суеверных, горят иногда деньги.

Первая из сих могил заслуживает кажется особенного внимания, и мне нигде не случилось видеть подобного окопа.

Наконец, приблизился я и к самому городищу, в Станиславской же даче находящемуся. Находясь лицом к лиману на запад, на крутом берегу оного, место сие с двух сторон — северной и южной — окружено чрезвычайно глубокими рвами, и от одного из них до другого проведен был с восточной стороны ров и вал, а самая внутренность укреплена еще другим валом (см. чертеж [рис. 1. — *И. Т.*]). Между первым валом и вторым, друг от друга отстоящими на 107 шагов, приметны следы прежних зданий, чего внутри укрепления не так заметить можно. Пред входом в первые ворота — довольно глубокая яма, где станиславовцы искали денег, да и по ту сторону рва (за первым валом) также была рыта земля.

Никто из здешних жителей не ведает начала сих городищ, да и из преданий мало осталось в народе. Самую батарею на Станиславовской косе никто уже не помнит.

Поговаривают, что будто бы здесь была какая-то царица, которая владела и Парутиным.

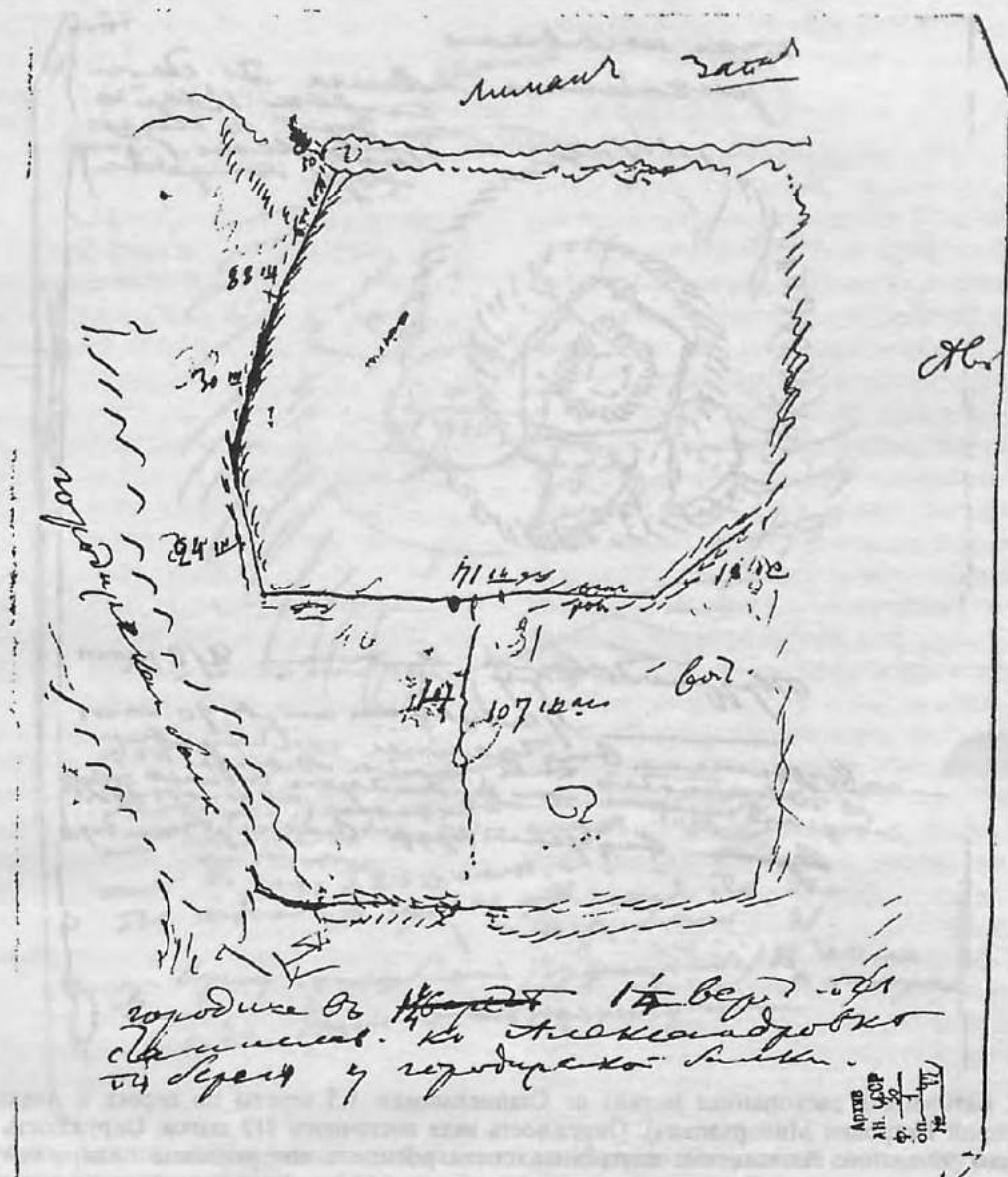

Рис. 1 «Городище в 1,4 версты от Станислава к Александровке по берегу у Городирской балки» (ПФА РАН 1: 6 об.).

Предание сие объясняется тем, что после сего также в Кисляковке рассказывали мне, что в Парутине найден камень, на котором высечен герой с мечом и женщина, звать царица сих мест. Вот вся история.

Верстах в 7 или 8 от Александровки (на Александровской же даче), за Широкою же балкою показали мне еще одно городище, на урочище, называемом Скульки, где внизу Рыбалки Милорадовича. Тут тоже вал в 150 шагов от одной балки проведен к другой, но ров пред оным так промыт водою, что ныне и сам сделался небольшою балкою¹ (поперечнее, имеющее однако стечение и большее как углубление, также и ширину на юг к ближайшей от Александровки балки). Тут также приметны некоторые следы прежних жилищ [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 38 № 102; 67-68 № 130; 91 № 55].

Отсюда верстах в 4-5 урочище Семенов Рог, где хотя и неприметно следов укрепления, однако следы жилья видны на трех местах (между и по обе стороны двух балок) [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 38 № 101; 67 № 127; 90 № 53]. Сперва по обе стороны балок видны 3 и 4 углубления довольно длинных; потом на мысу (высоте) между двумя балками три могилки, длиною в 9-10, а шириною в 6-7 шагов, почти круглые и окруженные малым углублением, бывшим вероятно некогда канавками. Потом на северной стороне второй балки еще большие углубления с выходами, где может быть действительно были когда-нибудь порядочной величины землянки, ныне обрушившиеся. Таковые землянки и ныне есть в Кисляковке, ибо здесь, за неимением леса, и прочие жилища (самые порядочные дома) строятся из камыша, обмазываемого глиною.

¹И в Харьковской губ. в 18 лет из канавы сделался глубокий яр (Прим. Кёппена).

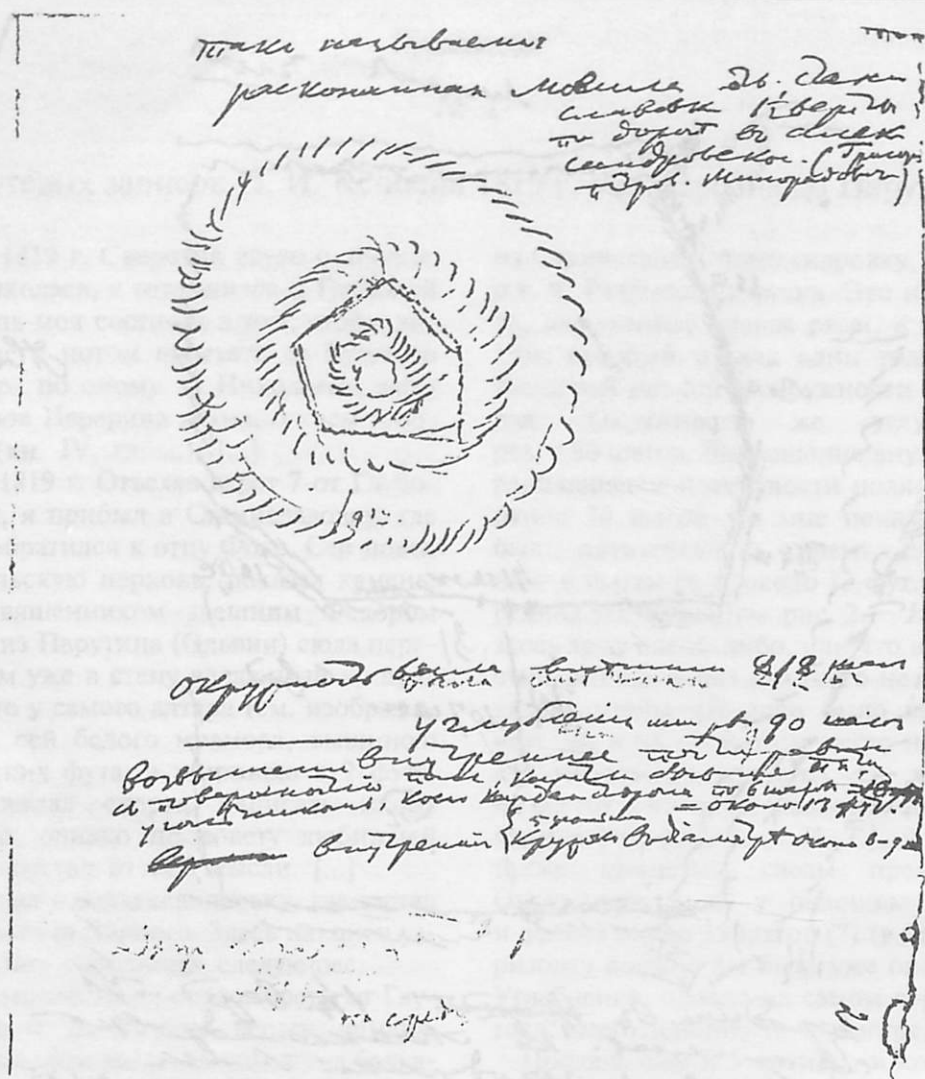

Рис. 2 «Так называемая раскопанная могила от Станиславовки 1,5 версты по дороге в Александровское (Григорий Петрович Милорадович). Окружность вала восточного 212 шагов. Окружность углубления или рва 90 шагов. Возвышение внутреннее почти ровное с поверхностью поля, кажется бывшее пятиугольником, коего каждая сторона по 6 шагов = около 13 фут. Внутренний в пятиугольнике кружок в диаметре около 8-9 шагов» (ПФА РАН 1: 2).

Отсюда до Кисляковки еще верст 5 и здесь много уже видно таких углублений, хотя в разных местах и в разных друг от друга расстояниях. На ближайшем из таковых к Семенову Рогу месте как бы большое круглое углубление, у коего приметен и выход.

Здесь в Кисляковке остановился я для покормления лошадей и уже узнал следующее.

Отсюда верстах в двух находится так называемый Гетманский городок, существующий со времен, когда швед (Карл XII) бежал через Буг за сим в 1 версте. Русская коса где ныне и деревня Святотроицкая, а против оной Волюшская коса.

Потом коса Ожарская (по подробной карте коса Джарская), за оною следует коса Кривая; после сего (коса) Балабанова и верстах в 7 от Николаева еще Цвелихова коса. Городище же, кроме сего Гетманского, более вверх по Бугу до Николаева уже никаких нет.

Хозяин показывал мне большой кувшин (турецкий), найденный им при пахоте, когда плугом оный и вырыт был [здесь же рисунок. — И. Т.].

24 октября 1819 г. В ночи с 23 на 24 октября прибыл я в Николаев. Поутру тотчас посетил я Ивана Матвеевича Будищева (капитан-лейтенанта и начальника Депо карт) и достал от него карту Бугского лимана, карту Черного моря, им сделанную, и астролябию для снятия Ольвии. По полудни отправился я... через Буг и переночевал в Большой Коренихе у барона Шпинелли.

25 октября из Большой Коренихи поехал я в Парутино или Ильинское, где остановился у отца Антония. [...]

Вверх по Бугу от Парутина в 5 верстах близ Котельной балки — могилы, где находят монеты, по словам здешних же жителей совсем такие же, как и в Ольвии (также находили ближе верстах в 3 от Парутино на Чертоватой балке

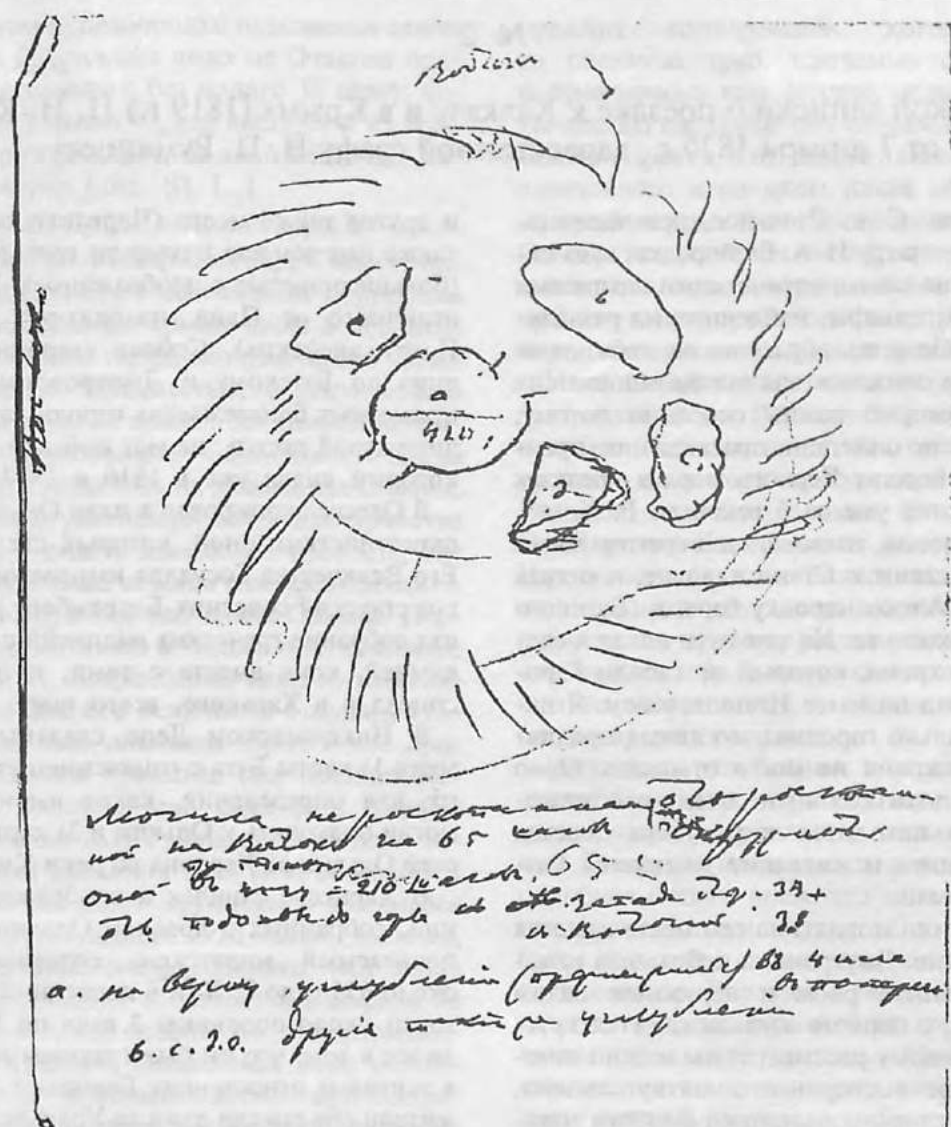

Рис. 3 «Могила нераскопанная, от раскопанной на восток на 65 шагов. Окружность оной в низу у подошвы 210 шагов. От подошвы до горы с западной стороны 34 шага, с восточной 38, а. наверху углубление... в 4 шага в поперечнике, в. с. д. о. — другие такие же углубления» (ПФА РАН 1: 2).

[см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 27 № 45; 56–57 № 76; 87 № 40)]. За сим в 1 версте Чуприновского хутора, а еще в 1 версте, т. е. от Парутина в 7 верстах — городище над балкою Малою Дереклеею на земле надворного советника господина Козарского.

Ниже Ольвии в 8 верстах (в 1 версте за Сарыкамышами) древнее городище [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 24 № 37], где также говорят находили греческие могилы (и камень, списанный Кёлером, который у греков Кацаки, белого мрамора величиной в аршин, шириной в 0,5 аршина).

За оным городком в 7 (от Сарыкамышам в 8 верстах) есть городище над лиманом же, за балкою Аджиголом в 1 версте (ничего не находили?...) [...].

... октября обозревал я крепость Ольвийскую, а план всех окрестностей получил я от г. ст. сов. Бларамберга. План сей снят инженерным офицером, ныне, кажется, в Очакове находящимся.

В Ольвии имел я случай купить разные монеты. Другие таковые же получил я от г. Бларамберга, Давида Давидовича Юргенса, управителя в Ильинском...

№ 2

Из «Краткой записки о поездке к Кавказу и в Крым» (1819 г.) П. И. Кёппена
от 7 января 1820 г., адресованной графу Н. П. Румянцеву

[...] Стольное. Село Стольное, принадлежавшее покойному графу И. А. Безбородко, куда перевезены многие камни с греческими надписями и некоторые барельефы, найденные на развалинах древней Ольвии, обратило на себя наше внимание. Там занялись мы копированием сих древностей, которые важны особенно потому, что дают понятие о степени просвещения, проявившегося на берегах Черного моря в пределах нашего Отечества уже за 5 веков до Р. Х.

[...] Из Херсона следовал я берегом мимо Глубокой пристани к Станиславовке, и оттуда чрез деревню Александровку берегом Бугского лимана до Николаева. На сем пути искал я следов Церерина храма, который по словам Геродота здесь стоял на мысе Ипполаевском. Я нашел тут несколько городищ, но явных признаков прежнего храма не мог я отыскать. Одно только место показалось мне очень необыкновенным. Оно находится в полутора верстах от Станиславовки и жителями именуется Разрытым курганом.

Но кургана или могилы на сем месте кажется никогда не было. Внутренняя небольшая плоскость, окруженная рвом и наружным валом (в 212 шагов), с первого взгляда кажется круглой, но по точному рассмотрению можно заметить следы равностороннего пятиугольника, коего каждая сторона равняется 6 шагам (около 13 футам).

Из Николаева, коего Депо карт по хранящимся в оном древностям заслуживает особенное внимание, подъехал я к развалинам Ольвии. По прибытии в село Ильинское (или Парутино) я того же дня отправился к древнему городищу, из остатков коего построены и Очаков, и Кинбурн, и близлежащие селения. Здесь осмотрел я и положение места, которое уже посещал я в 1817 г., и на другой день с помощью астролябии снял план древней крепости. Еще посетил я одно неподалеку отсюда, но выше села Ильинского находящееся городище

и другое также место (Чертоватую балку), где также под землею находили греческие монеты (большую частью с изображением Пана, очень отличного от Пана, находимого на монетах Пантикапейских). Собрав сведения о других вниз по Бугскому и Днепровскому лиманам приметных близлежащих городищах, я по причине худой погоды не мог побывать в Очакове, который видел уже в 1810 и 1817 годах.

В Одессе скопировал я план Ольвии со всеми окрестностями оной, который сделан был для Его Величества Государя императора. Здесь же г-н статский советник Бларамберг укомплектовал собрание греческих надписей с ольвийских камней, коих вместе с теми, которые потом списал я в Харькове, всего имею ныне 16.

В Николаевском Депо сделаны также для меня 1) карты Буга с означением глубины онаго, для определения, какие именно корабли могли подходить к Ольвии и 2) карта окрестностей Ольвии от Херсона до реки Куелника. [...]

В Харькове занялся я соображением сведений, собранных о древней Ольвии. Город сей почитаемый милетскою колониєю основан около 655 г. до Р. Х. и в последний раз был разорен около половины 3 века по Р. Х. Я убедился в том, что он был главным посредником в торговых отношениях Европы с Азией и что жители его езжали даже за Уральские горы, что все подтвердить можно ясными доводами из Геродота и других писателей. В 3 веке прекратились сии промыслы, которые уже во времена Страбона стали кажется приходить в упадок. Вот причина, почему (как говорят) в Южной России, даже в Слободской Украинской губернии находят только римские монеты, чеканенные прежде 3 века или в начале оного. Об Ольвии составил я в Харькове особую статью, которую осмелюсь впоследствии времени представить Вашему Сиятельству.

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1 Д. 129. Л. 22, 30 об. — 31 об.,
33. Автограф.

№ 3

Из статьи П. И. Кёппена «Ольвия. Древний город на реке Буге»

Глава 3. О местоположении Ольвии

[...] Ныне развалины Ольвии находятся во владении графа А. Г. Кушелева-Безбородко,

в одной версте с половиною ниже села его, которое пред сим по оврагу именовалось Парутино, а теперь по прежнему владельцу графу

Илье Андреевичу Безбородко называется селом Ильинским. Расстояние оных от Очакова прямым путем составляет без малого 35 верст; берегом же верст около 40, как явствует и из приложенной при сём карте, на коей место сие названо Сто могил (лит. В). [...]

Глава 5. Пространство города

Геродот, говоря о скифском царе Силесе, повествует, что оный при посещениях Борисфена обыкновенно оставлял армию свою в предместии, а сам входил в город, запирая на это время градские ворота. Предместью, в коем можно расположиться целой армии, без сомнения надлежало быть довольно обширным. Когда я в 1817 и 1819 годах был на развалинах Ольвии, то имел случай удостовериться в пространстве сего города, и видеть как самую крепость, так и места, занимаемые некогда сим предместем.

Я прилагаю при сём два плана Ольвии. Первый, полученный мною в Одессе от г. статского советника И. П. Бларамберга, каки-то инженером был снят для Его Величества Государя Императора и на нем показаны город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жилище; другой, который сам снял я в октябре месяце истекшего 1819 г., представляет один только город или два места пред сим, обведенные стенами и защищаемые круглыми и угольными башнями. Из последнего сего плана явствует, что крепость была очень невелика. Вся длина оной составляла менее полуверсты, а ширина не превышала нигде 150 сажень. Но сему удивляться нечего... Крепость Ольвийская была нерегулярная и почти треугольная; жители при построении оной сообразовались с местоположением. Главная часть сего укрепления находилась на возвышенности, коей высота равняется 34 сажням. С восточной стороны находился крутой берег Буга, с западной — большой овраг, называемый ныне Заячьей балкой, а с северной — небольшие углубления или тоже малая балка. Так как последняя сторона сия, по положению своему от неприятельских нападений, была менее обеспечена первых двух, то здесь и находились разные башни. Другая половина занимала часть горы и часть подола или низменности, которая лежит не выше 3 или 4 сажень над Бугом. Ныне здесь нет уже никаких стен, остались одни только следы оных — небольшие валы, окопы и места, где некогда стояли башни... Это ямы или углубления, внутри иногда имеющие возвышенности. Однако прежнее основание оных ясно различить можно, ибо основание круглое в последствии времени никогда само собою не делается угольным, хотя противное иногда и может случиться. Тут видны места, где находились некогда городские ворота, с обеих сторон защищаемые башнями; и поныне это обыкновенный вход к развалинам сего города. Приметны следы

прежних водопроводов, которые состояли из глиняных труб, влагаемых одна в другую и проводимых под землею, куда было нужно. На местах, где трубы сии повреждены, и поныне бывает сырость, а из одного такого водопровода, означенного и на моем плане под литерою С, который открыт был пред самым посещением Ольвии великим князем Михаилом Павловичем, текла вода, как говорят, весьма чистая. Ныне крайние к Бугу трубы сего водопровода из земли вырыты и отвезены к владельцу села Ильинского.

Но в самой крепости жила только меньшая часть ольвийцев. Гораздо большее число оных населяло, без сомнения, все пространство или урочище по множеству курганов на оном находящихся, называемое ныне Сто могил. Здесь, от Широкой балки почти до нынешнего села Ильинского (или не более как на 0,5 версты от оного) в длину, на две версты с половиною и более, а в ширину расстоянием от Буга версты на полтора, в окружности же всего слишком на шесть верст, — везде еще приметны следы прежних жилищ.

Небольшое углубление, по коему ныне подъезжает к городку, по-видимому также было некогда окопом укрепления, лежавшего над Бугом. Тут приметна малая возвышенная полоса, подобная следам прежнего вала или места, где находились стены внутри сего окопа, гораздо более находится следов прежнего жилья, нежели вне оного. Ров этот в последствии времени кажется промыт водою и таким образом сделался небольшим оврагом. Ныне часть сего укрепленного места отошла ко вновь разводимому здесь над Бугом саду. Да и сама пристань, без сомнения, находилась не в крепости, а вне оной. Жители здешние уверяют, будто бы в верховую погоду, а особливо при СЗ ветре, когда вода отступает от берега, виден бывает еще мост, у коего некогда приставали корабли. Они прибавляют к сему и то, будто бы пристань сия некогда для прочности залита была свинцом. Последнему известию конечно трудно верить, однако я и от довольно достоверных людей слышал, что крестьяне ильинские нередко находят металл сей и продают оный. Впрочем, такового рода строения в истории не беспримерны. Геродот повествует, что ассирийская царица Нитокрис (или Нитокрида) при построении в Вавилоне моста из ломаных камней связала оный железом и свинцом (Герод. I, 186). Прямо к сей пристани кажется лежала от северо-запада дорога, коей следы, если не ошибаюсь, и поныне приметны на горе, не в дальнем расстоянии от крайних могил, идучи от городка к тому месту, где ныне сельское кладбище. Может быть по сему направлению находились и Амаксиотские или повозочные ворота, чрез которые вероятно провозима была

большая часть товаров, бывших предметов ольвийской торговли.

О воротах Амаксиотских говорится в эллинской надписи, иссеченной на четвероугольном столпе, который из Ольвии перевезен Черниговской губ. в село Стольное, принадлежащее также графу Кушелеву-Безбородко и состоящее от Чернигова на СВ верстах в 50 или 60. В сей же надписи упоминается и о других еще воротах Эпидаврских, вероятно по близлежащему храму Эскулапа так называвшихся.

Но таковые топографические разыскания требуют, чтобы пожить в Ольвии большее время, я же имел случай посещать оную оба раза только на несколько дней. [...]

Глава 6. Могилы в Ольвии

Множество курганов в сем месте возвышающихся было причиною, что все урочище в новейшие времена получило название Ста могил. Следы прежних жилищ приметны почти по всему пространству (до Широкой балки), на коем рассеяны могилы сии. Два из них преимущественно пред прочими отличаются своею величиною.

Ближайшая из сих к древней крепости могила у самой подошвы в окружности имеет 285 шагов. Высота оной от низу до самого верху 13 сажень. От верха в 8,5 сажень могила обложена была толстыми плитами тесаного раковичного камня, который ныне крестьянами употреблен на постройку изб; окружность могилы в том месте, где она обложена была камнем, — 56 сажень.

Вторая могила от сей в расстоянии 450 шагов на СВ ближе к селу Ильинскому. Она также кругом обложена была камнем.

Наклонность обеих могил сих на юг. Это замечено уже и у многих других могил. Господин инженер-подполковник Пароки, разрывший около Тамани несколько могил, под коими были склепища, заметил, что под сею же наклонностью бывает и вход в склепища, к которым иногда спускаться должно вниз на несколько сажень. Вход сей так же заложен бывает камнем.

Намереваясь впредь познакомить читателей с занятиями господ Пароки и Дебрюкса, из коих последний занимается разрытием могил близ Керчи, где нашел он много достопримечательных редкостей, я замечу только, что обыкновение изъяснять некоторым образом уважение свое

к покойнику присыпанием могилы его землею и по наше время сохранилось. [...]

Глава 7. Ближайшие окрестности города

...Нет однако сомнения, что жители города Ольвии, поблизости оного могли иметь загородные свои дома. Может быть были тут и небольшие деревушки. Следуя от Херсона берегами Днепровского и Бугского лиманов до Николаева, а оттуда правым берегом Буга вниз, я видел разные городища, из коих некоторые вероятно должно будет отнести к тем временам, когда существовали здесь греческие колонии. Описание сей береговой поездки я при сем прилагаю в виде особенной статьи. Здесь же упомяну о том только, что еду из Коренихи верстах в трех на север или вверх по Бугу от села Ильинского, а от древней Ольвийской крепости верстах в четырех с половиною, близ т. н. Чертоватой балки, любопытство побудило меня остановиться для осмотра могил, которые находятся тут влево от дороги. Приближаясь к оным, я заметил пыль, наподобие дыма из одной могилы извергаемую и ветром разносимую. Наконец взойдя на сию могилу, я увидел, что мальчик, вырывший яму и влезший в оную, выбрасывал землю, в коей искал он ольвийских монет. В последствии времени я имел случай видеть здесь находимые монеты, которые легко отличить можно от прочих, отыскиваемых большею частью в самом Буге.

С другой стороны Ольвии, верстах в 8 вниз по Бугу и в 1 версте за урочищем, называемым Сарыкамышами, видно городище, в коем по словам некоторых здешних жителей также находили греческие вещи; уверяли меня, что здесь же найден камень с эллино-греческой надписью, хранящийся у грека Кацаки. Однако сему трудно верить. Гораздо правдоподобнее то, что камень сей вместе с прочими ему подобными, по обещанию (ex voto) иссеченными камнями, найден в Ольвийской крепости, где принадлежал оный храму Аполлона. Если же и действительно этот камень тут найден, то должно сперва решить, не остался ли оный здесь в то время, когда перевозимы были из Ольвии камни вниз по Бугу к Днепровскому лиману для построения Очакова и Кинбурна. [...]

Из «Путевых записок» П. И. Кёппена 1821 г. о копировании декрета в честь Протогена (IosPE, I2, 32)

7 декабря 1821 г. Стольное. Из Борзны чрез Комаровки отправился я в Стольное, местечко, принадлежащее ныне графу Александру Егорьевичу Кушелеву-Безбородко, куда перевезены многие ольвийские надписи. Одна большая на беломраморном столбе, мною в 1819 г., когда я был здесь вместе с И. А. Гарижским, оставалась несписанною. На оной с одной стороны приметно 97, а на другой 100 строк. Столб сей, лежавший в коридоре, был перенесен в комнату, и я с утра до 2-х часов ночи занимался спи-

санием и проверкою сей надписи. Равномерно сверил я и те, кои находились в гроте (где оные вделаны в стены), и с коих списки я беру с собою в чужие края. Барельеф, снятый г. Бороздиным и Ермолаевым, и представляющий, вероятно, жертвоприношение Эскулапу, нашел я довольно верным, а в надписи, напечатанной г. Келером в издававшемся в Дерпте журнале *Derpt. Beiträge (von Morgenstern)* кажется несколько в подлиннике отлично от напечатанной (особливо в слове додохохранилище и проч.).

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 137. Л. 9 об.-10. Автограф.

Батюшков, К. Н. 1989. Сочинения. Москва: Художественная литература. Т. 2: Из записных книжек. Письма.

Виноградов, Ю. А. 1993. Городище Станислав в первые века нашей эры // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества: 108-109. Одесса: Одесское археологическое общество. Одесский археологический музей НАН Украины. МП «Гермес».

Виноградов, Ю. А., Соловьев, С. Л. 1996. Археологические исследования на городище Станислав // Российская археология 3: 77-88.

Золотарев, М. И., Буйских, С. Б. 1994. «Ольвийская крепость» П. И. Кёппена // Ольвия-200: Тезисы докладов международной научной конференции 5-9 сентября 1994 г.: 49. Николаев.

1997. Неизвестный план Ольвии П. И. Кёппена // Российская археология 2: 241-244.

Карасев, А. Н. 1956. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 9-34. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

Кац, В. И., Тункина, И. В. 1990. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный мир и археология: Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры. Межвузовский научный сборник 8: 111-122. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.

1818. Историческое исследование о Югорской земле, в Российско-Императорском титуле упоминаемой // Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности) 4: 97-125.

1828. Древности северного берега Понта. Перевод с нем. Средне-Камашева. Издано Обществом истории и древностей российских. Москва: Университетская типография.

1837. Список известнейшим курганам в России. Отдельный оттиск из «Северной пчелы» (1837. № 1-3). Санкт-Петербург.

1908. О курганах: Предварительное разыскание Петра Кёппена (1836 г.). / Публикация А. И. Маркевича // Известия Таврической ученой архивной комиссии 42: 1-41.

1908а. Список курганов, составленный академиком П. И. Кёппеном / Публикация Н. И. Репникова // Известия Таврической ученой архивной комиссии 42: 42-55.

Кёппен, Ф. П. 1911. Биография П. И. Кёппена // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 89. Приложение 5.

Козлов, В. П. 1985. Колумбы российских древностей. Москва: Наука.

Крыжичкий, С. Д., Буйских, С. Б., Отрешко, В. М. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев: Наукова думка.

Латышев, В. В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Санкт-Петербург: В. С. Балашев.

Маркевич, А. И. 1893. Памяти П. И. Кёппена // Известия Таврической ученой архивной комиссии 18: 119-125.

1914. К биографии академика П. И. Кёппена // Известия Таврической ученой архивной комиссии 51: 223-240.

Мурзакевич, Н. Н. 1872. Митрополит Евгений и академик Кёппен // Записки Одесского общества истории и древностей 8: 404-411.

Общий состав. 1846. Общий состав военного министерства на 1847 г. Санкт-Петербург: Военная типография.

Папанова, В. А. 1996. Маловідомі матеріали з архівів П. І. Кёппена // Мир Ольвии: Памятник исследователю и исследование памятника. Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л. М. Славина: 171-173. Киев: Национальная Академия наук Украины. Институт археологии.

Переписка 1885. Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно) 2. Воронеж.

Потепалов, С. Г. 1963. Путешествие П. И. Кёппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.: 5-22. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

Ратнер, И. Д. 1990. Старейший план Ольвии и его автор // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов конференции 3: 76-78. Херсон.

Русский провинциальный некрополь. 1996. Русский провинциальный некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен 4. Москва: Элли Лак. Река времен.

Савельев, А. И. 1887-1897. Исторический очерк инженерного управления в России 1-3. Санкт-Петербург: Р. Голике.

Скальковский, А. А. 1838. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 2: 1796-1823 гг. Одесса.

Славин, Л. М. 1960. Основные этапы изучения Ольвии // Записки Одесского археологического общества 1 (34): 47-59. Одесса.

Тункина, И. В. 1987. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // Советская археология 4: 220-227.

1989. К истории изучения Ольвии в конце XVIII - начале XIX вв. // Древнее Причерноморье: [1-е] Чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Тезисы докладов конференции (9-11 марта 1989 г.): 52-54. Одесса.

1991. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье: II-е чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 9-11 марта 1991 г.: 98-99. Одесса.

1994. Начало изучения Ольвии // Археология 2: 7-18.

1995. Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тезисы докладов научной конференции: 66-67. Белгород-Днестровский.

- Фабрициус, И. В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР 1: Междуречье Днестра – Южного Буга. Киев: Издательство АН УССР.
- Фабрициус, И. Г. 1902. Главное инженерное управление: Исторический очерк // Столетие военного министерства, 1802–1903 7 (1). Санкт-Петербург: Слово.
- Шильдер, Н. К. 1898. Император Александр Первый, его жизнь и царствование 4. Санкт-Петербург: А. С. Суворин.
- Blaramberg, J. 1822. Croix de médaille antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie de Blaramberg à Odessa. Paris: F. Didot.
- Köhler, H. K. E. 1822. Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. St.-Petersburg (=1850a. H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften 1. St.-Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: 59–80).
1823. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Serapis 1. St.-Petersburg: 232–234 (= 1850b. H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften 1. St.-Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: 81–234).
- Köppen, P. 1823. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien: C. Gerold.
- 1823a. Olbisches Psephisma zu Ehren des Protagenes. Wien: C. Gerold.
- 1823b. Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien: C. Gerold (=1850 c. H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften 2. St.-Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: 225–246).

- Raoul-Rochette, D. 1815. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques 1–4. Paris.
1822. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées. Paris: F. Didot.
- Stempkowski J., 1822. Notice sur les médailles de Rhadaméadis, roi inconnu du Bosphore-Cimmérien, découvertes en Tauride en 1820 // Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées par M. Raoul-Rochette. Paris: F. Didot: 218–235.
- ИРЦНБ. V, 715.
- ПФАРАН. 1. Ф. 30. Оп. 1. Д. 42.
2. Ф. 30. Оп. 1. Д. 129.
3. Ф. 30. Оп. 1. Д. 131.
4. Ф. 30. Оп. 1. Д. 132.
5. Ф. 30. Оп. 1. Д. 135.
6. Ф. 30. Оп. 1. Д. 137.
7. Ф. 30. Оп. 1. Д. 138.
8. Ф. 30. Оп. 1. Д. 139.
9. Ф. 30. Оп. 1. Д. 140.
10. Ф. 30. Оп. 1. Д. 142.
11. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84.
12. Ф. 30. Оп. 3. Д. 247.
- РГВИА. 1. Ф. 349. Оп. 27. Д. 946.
2. Ф. 349. Оп. 27. Д. 947.
3. Ф. 418. Оп. 1. Д. 615.